

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.74>

Хадынская Александра Анатольевна

"КАЖДЫЙ МАЛЬЧИК ПОЭТ": ТЕМА ДЕТСТВА В ЛИРИКЕ АНАТОЛИЯ ШТЕЙГЕРА

В статье рассматривается тема детства в лирике Анатолия Штейгера, одного из ярких представителей "парижской ноты". Выявляются особенности поэтического мировидения Штейгера, связанные с "петербургской поэтикой", которую автор усвоил благодаря влиянию Г. Адамовича. Тема детства оказывается связанной у Штейгера с темами памяти, смерти и ностальгии, что в целом отвечает общим устремлениям всей эмигрантской литературы "первой волны". Отличительной особенностью темы детства у поэта стали антипасторальные мотивы, демонстрирующие авторскую рефлексию эмигрантского существования "незамеченного поколения", к которому автор себя относил. В интерпретации детской темы через многочисленные аллюзивные отсылки Штейгер демонстрирует акмеистическую ориентированность своей лирики, что является характерным признаком поэзии "парижской ноты".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/74.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 359-364. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.
11. Журавлева Т. П. К исследованию речевого портрета автора художественного текста: прагмалингвистический подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Ч. 1. С. 79-84.
12. Камалова И. В. Изобразительность романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2000. 167 с.
13. Колосова С. Н. Типология и поэтика портрета в русской лирической поэзии: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2012. 34 с.
14. Костюк Е. Н. Поэтика портрета «разочарованного» героя в русской литературе первой половины XIX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. К., 1994. 17 с.
15. Лотман Ю. М. Портрет // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева; пред. С. М. Даниэля. СПб.: Академический проект, 2002. С. 349-375.
16. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 481 с.
17. Макогоненко Г. П. Роман Пушкина «Евгений Онегин». М.: Гослитиздат, 1963. 146 с.
18. Миркина Р. М. Образ героя-индивидуалиста в романе «Евгений Онегин» // Русская словесность. 1996. № 6. С. 19-25.
19. Мурьянов М. Портрет Ленского // Вопросы литературы. 1997. № 6. С. 102-122.
20. Ооржак Ш. Д. Галерея женских портретов в романе С. Сюрюн-Оола «Өске кадай» («Посторонняя женщина») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5 (83). Ч. 2. С. 271-275.
21. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Изд. АН СССР, 1949. Т. V.
22. Семенко И. Эволюция Онегина (к спорам о пушкинском романе) // Русская литература. 1960. № 2. С. 111-128.
23. Чумаков Ю. Н. Из размышлений о жанре, стилистике и строфике «Евгения Онегина» // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 1999. № 1. С. 7-18.

ONEGIN'S PORTRAIT IN THE NOVEL BY A. S. PUSHKIN "EUGENE ONEGIN" AND POETICAL MEANS USED TO CREATE IT

Utkina Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology
Orenburg State Pedagogical University
ospu@ospu.ru

The article examines the main personage's portrait in the novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin" and analyses the poetical means used to create it: rhyme, poetical line break and the peculiarities of rhythmic motion (spondees and pyrrhics). Onegin occupies a special place in the novel's figurative and ideological system and his portrait represents a complicated image dynamics. The researcher characterizes the hero's portrait, identifies the portrait-formative and poetical means, which constitutes the originality of the study. It is shown that Pushkin tended to use the elements of different types of portraits (dynamic, static, psychological, abstract ones), actively used poetical means. The findings justify Pushkin's intention to create a multi-dimensional portrait, which allowed him to develop a movable but holistic image.

Key words and phrases: portrait; poetical portrait; A. S. Pushkin; poetical means; dynamic portrait; static portrait; multi-dimensional portrait.

УДК 82.09

Дата поступления рукописи: 14.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.74>

В статье рассматривается тема детства в лирике Анатолия Штейгера, одного из ярких представителей «парижской ноты». Выявляются особенности поэтического мировидения Штейгера, связанные с «петербургской поэтикой», которую автор усвоил благодаря влиянию Г. Адамовича. Тема детства оказывается связанной у Штейгера с темами памяти, смерти и ностальгии, что в целом отвечает общим устремлениям всей эмигрантской литературы «первой волны». Отличительной особенностью темы детства у поэта стали антипасторальные мотивы, демонстрирующие авторскую рефлексию эмигрантского существования «незамеченного поколения», к которому автор себя относил. В интерпретации детской темы через многочисленные аллюзивные отсылки Штейгер демонстрирует акмеистическую ориентированность своей лирики, что является характерным признаком поэзии «парижской ноты».

Ключевые слова и фразы: Анатолий Штейгер; поэзия русской эмиграции «первой волны»; «парижская нота»; «незамеченное поколение»; тема детства; петербургская поэтика; акмеистические традиции; антипастораль; литературная аллюзия.

Хадынская Александра Анатольевна, к. филол. н., доцент
Сургутский государственный университет
opus2000@mail.ru

«КАЖДЫЙ МАЛЬЧИК ПОЭТ»: ТЕМА ДЕТСТВА В ЛИРИКЕ АНАТОЛИЯ ШТЕЙГЕРА

Лирика Анатолия Штейгера (1907-1944), яркого представителя «парижской ноты», в настоящее время известна небольшому кругу специалистов-эмигрантологов и практически незнакома широкому кругу читателей.

Поэт прожил недолгую жизнь, но в когорте парижских «монпарно» сумел проявить свое незаурядное творческое дарование, выгодно отличавшее его среди товарищей по стихотворству. В. Варшавский называл этих молодых людей «незамеченным поколением», чье детство пришлось на тяжелейшие переломные годы в судьбе их родины: попав на чужбину в раннем детстве или подростками, они не смогли обрести устойчивый социальный статус на новом месте, страдали от бездомья, безденежья и безработицы [2]. Почти все писали стихи, и занятие поэтическим творчеством стало, по сути, единственно возможной для них формой патриотизма. Многие из них особым талантом не обладали и не оставили заметного следа в литературе, чего не скажешь об Анатолии Штейгере, чьи ранние стихи сразу заметил Г. Адамович, предвещая юноше большое поэтическое будущее. Собственно, он сам и познакомил его с миром большой русской литературы, именно благодаря ему Штейгер усвоил каноны так называемой «петербургской поэтики» в ее акмеистическом преломлении [9]. Лирике Штейгера посвящен ряд исследований, как его современников, так и авторов рубежа XX-XXI веков [4-8], но тема детства как особый феномен в его поэтическом творчестве до сих пор не становилась предметом специального научного интереса. **Актуальность** нашей работы объясняется возросшим в последнее время интересом к художественному наследию русской эмиграции, а также проблемой преемственности литературы диаспоры и метрополии (так называемый спор об «одной или двух литературах»). На рубеже XX-XXI вв. появилось достаточно большое количество работ по эмигрантологии, но поэзия русского рассеяния еще ждет своего исследователя, так как внимание литературоведов на данный момент, главным образом, сосредоточено на историческом аспекте возвращения забытых имен в литературу, в то время как поэтика лирических текстов редко появляется в поле зрения исследователей. Настоящая работа посвящена анализу как раз этой стороны поэтического наследия русской эмиграции «первой волны», для которой вопрос сохранения традиций в условиях инокультурного окружения был наиболее значимым. **Новизна** исследования заключается в рассмотрении темы детства в лирике Анатолия Штейгера в контексте акмеистических традиций, во многом определивших модус его поэтического мировидения, что еще не входило в область научных изысканий по его творчеству. Свою **цель** мы видим в выявлении специфики детской темы у поэта в связи с его акмеистической ориентацией, **задачами** же стали определение поэтических способов выражения особенностей «нежного возраста» в понимании Штейгера, авторской интерпретации «взросления» как важного периода в жизни лирического героя и литературного контекста, повлиявшего на своеобразие ювенильной тематики у поэта.

Будучи болезненным и слабым юношей, Анатолий Штейгер, по воспоминаниям современников, тем не менее отличался оптимизмом и жизнелюбием, несмотря на тяжелую форму туберкулеза, приносившего ему много страданий и ставшего причиной его ранней смерти. Поэту повезло, в отличие от большинства его парижских друзей, родиться в обеспеченной семье, имевшей швейцарские корни. От исторической родины он получал регулярную государственную дотацию, которая позволяла ему лечиться в лучших санаториях. Кроме того, Штейгеру посчастливилось жить в дружном и любящем семейном окружении; и его безвременная кончина стала для всех ударом. Сестра поэта, Алла Головина, также известная эмигрантская поэтесса, после смерти брата приложила немало усилий для публикации его книги « $2 \times 2 = 4$. Стихи 1926-1939», которая вышла в Париже в 1950 году (переиздана в Нью-Йорке в 1982 году). При жизни Штейгера вышло три его сборника («Этот день» (1928), «Эта жизнь» (1931), «Неблагодарность» (1936)), что можно считать исключением в среде «потерянных русских мальчиков», зачастую не имевших возможности печататься.

Несмотря на свое относительное жизненное благополучие, Штейгер отразил в своем творчестве судьбу собственного поколения, брошенного в пучины беженского несчастья, – именно так воспринимали эмиграцию взрослые представители ее «первой волны», они же передали это отношение своим детям, многие из которых Россию помнили слабо или не помнили вовсе, будучи увезенными оттуда в раннем детстве. Образ родной стороны, усвоенный от родителей и старших товарищей, был во многом идеализирован и даже мифологизирован; для Штейгера символом родины стал Санкт-Петербург (несмотря на южные места рождения – украинские земли под Киевом); воспринимавшийся поэтом опосредованно, через воспоминания Г. Адамовича, которого он считал своим наставником. Идейный вдохновитель «парижской ноты» подтверждает это: «...утонченный, трагически-беспечный, обреченный богемно-литературный Петербург последних предреволюционных лет представлялся ему чем-то вроде потерянного рая, и не раз он вздыхал, что поздно родился» [1, с. 102].

Феномен детства в мемуарной прозе А. Штейгера был рассмотрен О. С. Кочетковой: ученый справедливо считает, что в воспоминаниях поэта воссоздается «картина русской жизни начала XX века и отъезда из России через призму детского сознания и восприятия», и она же является неким «претекстом», «первоисточником» его поэзии [3, с. 377]. Думается, что в случае со Штейгером можно говорить не столько о первоисточнике, сколько о корреляте, о чем свидетельствуют лирическое напряжение его стихов, простота и особая разговорность интонации, скудость внешних языковых эффектов, особая исповедальность, доходящая порой до «самообнажения», – приметы, роднящие всех поэтов «ноты». Именно в них выразились установки их мэтра Г. Адамовича, утверждавшего, что жизнь сейчас важнее стихов. Мемуарные свидетельства и лирические строки в равной мере явились выразителями переживаний детства, пришедшегося у поэта на годы слома исторических эпох.

А. Штейгер, проживший всего 37 лет и не успевший завести семью, по сути, сохранил детское восприятие жизни, для него жизнь и поэзия были одним «продлившимся детством», что нашло отражение в поэтических строках (здесь и далее выделение в тексте автора статьи. – А. Х.):

«Все писали стихи
 В восемнадцать лет,
**Потому что всегда
 Каждый мальчик поэт.**
 И мечтает о звездах,
 О любви и стихах,
 Пока взрослым не станет
 И звезда не рассыплется
 В прах» [10].

Детская тема в его лирике находится в тесной связи с темой памяти, у поэта часто встречается хронологическая фиксация «было и прошло», «тогда и сейчас»; единство этих тем подчеркивается, например, анафорой:

«**Были** очень детские мечты,
Были нежность, дерзость и тревога,
Было счастье. И со мною – ты:
Было все, и даже слишком много.
Было нам по восемнадцать лет.
 Нам казалось, это будет вечно.
 Но растаял даже легкий след,
 Точно утром Путь растаял Млечный.
 Я уже не плачу о былом,
 Видно, так угодно было Богу,
 Чтобы с каждым часом, каждым днем
 Мы себя теряли понемногу» [Там же].

Взросление воспринимается лирическим героем как утрата, причем невозможная, чего-то важного и сущностного. Наступающая взрослость пугает своей неопределенностью, страшит требованием серьезных, ответственных поступков, на которые «потерянное поколение», не получившее от отцов жизненных ориентиров, оказалось неспособно. Остро ощущается «нехватка взрослого руководства», место «наставника жизни» оказалось пустующим. Примечательно в этом смысле стихотворение «Никто, как в детстве, нас не ждет внизу...» с эпиграфом из И. Анненского, через который к тексту Штейгера «подключается» большой аллюзивный пласт, связанный с интерпретацией темы детства у предтечи акмеизма как душевного дискомфорта и страдания:

*«Подумай, на руках у матерей
 Все это были розовые дети.
 И. Анненский*
 Никто, как в детстве, нас не ждет внизу.
 Не переводит нас через дорогу.
 Про злого муравья и стрекозу
 Не говорит. Не учит верить Богу.
 До нас теперь нет дела никому –
 У всех довольно собственного дела.
 И надо жить, как все, но самому...
 (Беспомощно, нечестно, неумело)» [Там же].

Детскость у Штейгера становится залогом искренности, и поэтому ее сохранение особенно важно, как считает поэт, во взрослом состоянии. Но жизнь, к сожалению, наносит неумолимо жестокий удар по детской мечте, и столь сокрушительный, что порой от него нельзя оправиться. Парадоксально, но взросление, которого всегда страстно жаждет юношество, для представителей «парижской ноты» становится символом разобщения, удаления друг от друга, когда слова, данные в залог дружбы, больше не имеют силы (ср. у Г. Иванова: «Рассыпаются слова и не значат ничего»). Говоря от лица своего поколения, лирический герой Штейгера с горечью констатирует:

«Первая дружба – навеки,
 Детские клятвы – до гроба...
 Где ты теперь, мой друг?
 Взрослыми стали оба,
 Грустными стали оба,
 Фронты, моря и реки
 Нас разделили вдруг» [Там же].

У «незамеченного поколения», к которому Штейгер в полной мере принадлежал, не было важного и нужного «детского багажа» (воспоминаний, запаса семейной любви), который дает охранительные силы на всю жизнь, не нашлось поприща для деятельности, куда можно было бы приложить «молодецкие силы»,

реализовать себя как личность. Эти «потерянные мальчики» излишне часто думали о смерти, и многих она находила слишком рано. У Штейгера в большинстве стихотворений с детской темой сопряжена тема смерти, что было характерно, например, для И. Анненского, на влияние которого мы уже указывали ранее. Взросление воспринимается поэтом как неизбежный путь к смерти, сама жизнь выглядит очень короткой и в целом несчастливой:

«Я стал теперь взрослее и скромней,
Но в сердце те же розовые бредни.
Воздушный замок грудой камней
Лежит в пыли, не первый, не последний...
И так идут короткие года,
Года, что в жизни лучшими зовутся...
И счастье в двери стукнет лишь тогда,
Когда “войди” – уста не отзовутся» [Там же].

Эпитет «розовые» отсылает нас к уже процитированному эпиграфу из Анненского, демонстрирующему связь тем детства и смерти в лирике Штейгера. Известный сюжет мировой литературы «дети на могилах» (микроцикл «Кладбище») реализуется у поэта в двух аспектах: классическом идиллическом и трагическом. Их одновременное присутствие объясняет разницу в понимании смерти в искусстве и в жизни, что было актуально для всех представителей «парижской ноты»:

«Возле могил для влюбленных скамейки,
Бегают дети и носят песок,
Воздух сегодня весенний, клейкий,
Купол небес, как в апреле, высок.
.....
Речи. Надгробные страшные речи.
Третий болтун потрясает сердца.
Сжальтесь! Ведь этот худой, узкоплечий
Мальчик сегодня хоронит отца» [Там же].

Штейгеровская идиллия, встретившись с жизнью, разрушается. Смерть в стихотворении показана через образ ребенка, что характерно для всей лирики поэта. В первой строфе это фиксация самой культурологемы «дети на могилах», данной в общем позитивном ключе: дети играют (движение жизни), имплицитно присутствуют потенциальные родители («для влюбленных скамейки»), время года – весна (традиционный символ новой жизни), мир видится как большой счастливый дом с «куполом небес». Но в этом идиллическом пространстве угадываются знаки разрушающего времени, акмеистические по своей природе («песок» как знак всего текущего и того, во что превращается камень, – излюбленный образ, в частности, О. Мандельштама). Но если Мандельштам мечтал создать из «тяжести недоброй» «что-нибудь прекрасное», новое, ранее не существовавшее, в чем выразилась акмеистическая идея творения мира Словом, то у Штейгера в последней строфе возникает образ ребенка, впервые осознавшего конечность жизни, явленную для него через смерть отца. Естественный ход жизни, как и смерть, для ребенка до определенного возраста не является предметом рефлексии, но в последних строках стихотворения лирический герой фиксирует тот самый момент, когда «блаженное неведение» сменяется узнаванием жизни через смерть. Пастораль, как известно из ее античного источника, декларирует мифологическое понимание жизни как вечного возвращения, и смерть не понимается как конец бытия. У Штейгера же налицо антипасторальное видение мира (в данном случае мы используем термины «идиллия» и «пастораль» как синонимы), обусловленное войной, жизненными передрыгами, общей бесприютностью и нуждой, выпавшими на жизнь «незамеченного поколения».

Подобная полемика с идиллией в целом характерна для Штейгера. В одном из стихотворений лирический герой теплым вечером сидит у костра с мальчиком-пастушком, и эта типичная аркадская ситуация рождает в его душе совсем не идиллические настроения:

«От костра идет широкий дым.
Пастушонок охватил колени.
Он молчит. Мы часто с ним сидим.
Тихий вечер в поле предосенний.
Мягкий профиль русского лица.
Пастушка зовут, как в сказке – Ваней,
Так сидеть бы с Ваней без конца.
Не забыть мне наших с ним молчаний.
Дома будут речи про войну,
Уберечь уже не может чудо...
На рассвете все же я засну.
Буду спать тревожно, чутко, худо» [Там же].

Лирический герой понимает, что быть вечным ребенком хорошо, но невозможно; взрослая жизнь приносит большие несчастья («едкие взрослые слезы») и воспринимается как сиротство. Образ пастушка Ванюши встречается еще раз в другом стихотворении, в котором темы детства и смерти вновь оказываются объединенными:

«За 30 лет, прожитых в этом мире,
Ты мог понять (и примириться мог),
Что счастья нет, что $2 \times 2 = 4$,
А остальное – трусость и подлог...
За ложь, что нам рассказывала нянька,
Не раз, не два мы разбивали лоб.
Но зашатавшись с горя, ванька-встанька
Опять встает, – и так по самый гроб.
Душа давным-давно окаменела,
Но ведь живут годами без души,
Пока еще не износилось тело
И легкие и сердце хороши» [Там же].

Нянька, несправедливо обвиненная в этих строках, «реабилитирована» поэтом в другом стихотворении. Герой размышляет о бесцельности существования своего поколения (для «ноты» характерно говорить от лица сообщества – «мы») через сопоставление с детством как точкой жизненного отсчета, где все было ясно и понятно:

«То что нам делать в сущности на свете –
Ходить в кафе? работать? спать и есть?
Но мы не дети, мы, увы, не дети.
...переступить невидимую грань,
И все вдруг станет радостней и чище.
Отец и няня... Няня, няня, встань,
Зачем ушла из детской на кладбище.
Я без тебя так страшно одинок,
Я о тебе, тридцатилетний, плачу.
(Я даже схоронить ее не мог,
Припасть к руке. Увидеть дроги, клячу)» [Там же].

В мемуарах Штейгера много написано о матери, об удивительном обволакивающем тепле домашнего очага, вечном женском начале. С матерью связан у поэта мир деревни (отсюда идиллический контекст). В лирике мы не находим рефлексии материнской темы, но имеется отцовская: смерть родителя тяжело переживается героем (горюющий мальчик на могиле отца из упомянутого ранее стихотворения носит во многом автобиографический характер). Отцовское начало в воспоминаниях связано у Штейгера с Петербургом, например, в сюжете посещения с отцом-офицером парада, где он видел самого Царя, чем, кстати, был не очень впечатлен, – самодержец показался мальчику слишком «простым». В стихах образ отца сопрягается с чувством щемящей тоски от невозможности диалога, прерванного смертью:

«Еще хоть раз поговорить с отцом,
Там время, может быть, у нас найдется.
Не так как было пред его концом...
Но кто мог знать, что он уж не вернется.
Он уходил на час, а не на век
И, вот, упал у Городского Сада...
Усталый, важный, грустный человек,
Проживший жизнь (несладкую) как надо.
.....
– Ты будешь жить. (Впервые “ты” как дети,
Сказали мы краснея и стыдясь.)
На третий день ты умер на рассвете» [Там же].

Тема детства у Анатолия Штейгера, с одной стороны, демонстрирует свою связь с поэтикой «парижской ноты», что доказывается присутствием «поколенческих» мотивов, общей тональностью обреченности и безысходности, стилистикой недосказанности и «пунктирности» в выражении эмоций; с другой стороны, ювенильная тематика обнаруживает у поэта акмеистическую ориентацию, выражающуюся в апелляции к «петербургскому тексту», использовании характерных «примет» и «знаков» этого течения. Об акмеистичности говорят и многочисленные аллюзивные пласты, связанные, в частности, с лирикой Анненского и с узнаваемыми сюжетами мировой литературы («тоска по мировой культуре», по Мандельштаму). Особо следует отметить полемику с идиллическим контекстом, что является общим местом в литературе эмиграции: мечта о родине как о «потерянном рае» оборачивается щемящим чувством ностальгии, доминирующим

в творчестве эмигрантов «первой волны». Детство в поэтической рефлексии Штейгера становится символом навсегда покинутой родины и знаком связи литературы эмиграции и метрополии, и в эту связь представитель того самого «незамеченного поколения» вносит свой малый, но, несомненно, значимый вклад.

Список источников

1. **Адамович Г.** О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем // Адамович Г. Одиночество и свобода / сост., авт. предисл. и прим. В. Крейд. М.: Республика, 1996. 447 с.
2. **Варшавский В. С.** Незамеченное поколение / предисл. О. А. Коростелева. М.: Русский путь, 2010. 544 с.
3. **Кочеткова О. С.** Мир детства в воспоминаниях Анатолия Штейгера: Россия в полусне // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (г. Москва, 25-27 марта 2009 г.): сборник докладов / сост. И. Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 377-387.
4. **Миллер Л.** Анатолий Штейгер и Георгий Иванов [Электронный ресурс] // Миллер Л. О книгах, о поэтах, о стихах. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/38904/Miller_-_O_knigah_o_poetah_o_stihah.html (дата обращения: 14.02.2019).
5. **Налегач Н. В.** Поэтический диалог А. Штейгера с И. Анненским в итоговой книге «2 × 2 = 4. Стихи 1926-1939» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2010. № 56. С. 48-52.
6. **Ратников К. В.** Вклад Анатолия Штейгера в поэзию «парижской ноты» // Ратников К. В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1998. С. 71-92.
7. **Сараева Т. В.** Поэтический диалог А. Штейгера и Г. Иванова // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. Вып. 4. Эволюция форм художественного сознания. С. 126-131.
8. **Терапиано Ю.** Анатолий Штейгер // Терапиано Ю. Встречи: 1926-1971 / вступ. ст., подг. текста, коммент., указатели Т. Г. Юрченко. М.: Интрада, 2002. С. 96-99.
9. **Хадынская А. А.** Акемеистические традиции в лирике А. Штейгера // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 38-54.
10. **Штейгер А.** Мертвое «да» [Электронный ресурс]: стихотворения, проза, воспоминания, письма. URL: http://indbooks.in/mtor6.ru/?page_id=169358 (дата обращения: 14.02.2019).

**“ALL BOYS WRITE POETRY”:
CHILDHOOD THEME IN ANATOLY SHTEIGER’S LYRICS**

Khadynskaya Aleksandra Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Surgut State University
opus2000@mail.ru

The article considers childhood theme in the lyrical poetry by Anatoly Shteiger, one of the vivid representatives of “Parisian note”. The paper identifies the peculiarities of Shteiger’s poetical worldview associated with “Petersburg poetics”, which the poet adopted due to G. Adamovich’s influence. Childhood theme in Shteiger’s interpretation is associated with the themes of memory, death and nostalgia that is mostly in tune with the general trend of émigré literature of the “first wave”. With Shteiger childhood theme is characterized by anti-pastoral motives representing the author’s reflection on émigré life of the “unnoticed generation”, to which the author referred himself. Interpreting childhood theme through numerous allusions Shteiger reveals the acmeistic orientation of his lyrics that is a typical feature of “Parisian note” poetry.

Key words and phrases: Anatoly Shteiger; Russian “first wave” émigré poetry; “Parisian note”; “unnoticed generation”; childhood theme; “Petersburg poetics”; acmeistic traditions; anti-pastoral; literary allusion.